

Глава I

Я прибыла в Нью-Йорк 15 августа 1889 года. Мне исполнилось двадцать лет. Всё, что произошло в моей жизни до сих пор, осталось позади, сброшенное, как старая одежда. Передо мной открылся новый мир, незнакомый и пугающий. Но я была молода, обладала крепким здоровьем и горячо верила в свои идеалы. Я намеревалась встретиться, не дрогнув, всё, что меня ожидало.

Как мне памятен этот день! Было воскресенье. Шедший по западному побережью поезд — самый дешёвый, так как я не могла позволить себе никакой другой, — вёз меня из Рочестера, штат Нью-Йорк, и прибыл в Уихокен в восемь утра. Оттуда я на пароме добралась до Нью-Йорка. Друзей там у меня не было, но имелись три адреса: моей замужней тётки, молодого студента-медика, с которым я познакомилась в Нью-Хейвене, когда работала на корсетной фабрике, и редакции немецкой анархистской газеты Freiheit, издававшейся Иоганном Мостом.

Всё моё имущество составляли пять долларов и маленькая сумочка. Швейную машинку, которая должна была помочь мне добиться независимости, я сдала в багаж. Не представляя расстояния от Западной 42-й улицы до Бауэри, где жила моя тётка, не зная об изнуряющей жаре августовского нью-йоркского дня, я отправилась в путь пешком. Каким пугающим и бескрайним кажется большой город новичку, каким холодным и недружелюбным!

Получив множество правильных и неправильных указаний, часто останавливаясь на сбивавших с толку перекрёстках, через три часа я оказалась в фотографическом ателье тёти и дяди. Мне было жарко, я устала и сперва не заметила того смятения, которым был встречен мой неожиданный приезд. Родственники предложили мне чувствовать себя как дома, накормили завтраком и засыпали вопросами. Зачем я приехала в Нью-Йорк? Окончательно ли я порвала с мужем? Есть ли у меня деньги? Что я собираюсь делать? Мне сказали, что я, конечно же, могу у них пожить. «Куда ещё тебе податься в Нью-Йорке, молодой одинокой женщине?» Но мне, однако, надо было немедленно начинать поиски работы. Дела шли плохо, а расходы на жизнь не уменьшались.

Я слушала всё это будто в оцепенении. Я слишком утомилась после бессонной ночи в поезде и трёхчасовой ходьбы по жаре. Голоса родственников доносились до меня издали, казались жужжанием роя мух и навевали сон. Мне стоило большого усилия собраться с духом. Я уверила тётю и дядю, что приехала не для того, чтобы им навязываться, — мой друг, живущий на Генри-стрит, меня ждёт и сможет приютить. Я хотела только одного — выбраться, уйти подальше от этого докучного бормотания. Я оставила свою сумку и ушла.

Друг, которого я выдумала, чтобы отделаться от «гостеприимства» родственников, на самом деле был всего лишь случайным знакомым — молодой анархист, лекцию которого я однажды слушала в Нью-Хейвене; звали его А. Золотарёв. И вот я решила найти его. Через

несколько часов я отыскивала дом, но жилец оттуда съехал. Дворник, поначалу очень грубый, наверное, заметил моё отчаяние. Он сказал, что поищет адрес, оставленный семьёй при переезде. Вскоре он вернулся — с названием улицы, но без номера дома. Что мне было делать? Как найти Золотарёва в огромном городе? Я решила заходить в каждый дом, сначала по одной стороне улицы, потом по другой. Я поднималась и спускалась по шесть лестничных пролётов, голова моя раскалывалась, а ноги устали. Тяжёлый день близился к концу. Наконец, уже было собравшись бросить своё занятие, я обнаружила моего знакомого на Монтгомери-стрит, на шестом этаже кишашего людьми доходного дома.

С момента нашей первой встречи прошёл год, однако Золотарёв не забыл меня. Он сердечно поприветствовал меня, как будто мы были старыми друзьями, и сказал, что делит квартиру с родителями и маленьким братом, но я могу занять его комнату, а он проведёт несколько ночей у приятеля-студента. Золотарёв уверил, что я без труда найду себе жильё — он как раз знал двух сестёр, которые жили с отцом в двухкомнатной квартире. Они искали ещё одну девушку себе в соседки. Мой новый друг угостил меня чаем, замечательным еврейским пирогом, который испекла его мать, и рассказал о людях, с которыми я могла познакомиться, о деятельности говорящих на идише анархистов и ещё много всего интересного. Я была благодарна хозяину дома за чай с пирогом, но главным образом — за дружеское участие и товарищество. Я позабыла горечь, которая наполнила мою душу после прохладного приёма родни. Нью-Йорк больше не казался чудовищем, каким он предстал передо мной в бесконечные часы утомительной прогулки до Бауэри.

Потом Золотарёв повёл меня в кафе «У Сакса» на Саффолк-стрит, где, по его словам, собирались ист-сайдские радикалы, социалисты и анархисты, а также молодые писатели и поэты, пишущие на идише. «Все там встречаются, — заметил он. — Конечно, сёстры Минкины тоже там будут».

Человеку, привыкшему к однообразию провинциального Рочестера, чьи нервы были на пределе после ночного путешествия в душном вагоне, шум и суматоха, которыми встретило нас кафе, не могли показаться успокаивающими. Заведение состояло из двух комнат и было набито битком. Все говорили, жестикулировали и спорили на идише и по-русски, перебивая друг друга. Я совсем растерялась в этой незнакомой, разношёрстной толпе. Мой спутник отыскал двух девушек за одним из столиков. Он представил их как Анну и Елену Минкиных.

Они были еврейками-работницами, приехавшими из России. С Анной, старшей, мы были ровесницами; Елене было, наверное, восемнадцать. Мы договорились, что я буду с ними жить, и мои беспокойство и неуверенность исчезли. У меня была крыша над головой, я нашла друзей. Бедлам «У Сакса» больше не пугал меня. Я вздохнула свободнее, почувствовала себя не настолько чужой.

Пока мы вчетвером ужинали, Золотарёв показывал мне разных посетителей кафе. Внезапно я услышала зычный голос: «Бифштекс побольше! Ещё чашку кофе!» Мои собственные средства были столь скромны, а мысль об экономии столь назойлива, что такая демонстративная расточительность меня поразила. Кроме того, Золотарёв сказал, что клиенты «У Сакса» — сплошь бедные студенты, писатели и рабочие. Мне стало интересно, что же это за дерзкий человек и как он может заказывать столько еды. Я спросила: «Кто

этот обжора?» Золотарёв рассмеялся: «Это Александр Беркман. Он может есть за троих, но у него редко бывает достаточно денег, чтобы наесться досыта. Но едва они появляются, он съедает тут все запасы. Я представлю его тебе».

Мы закончили ужинать, и к нашему столу подошло несколько человек, чтобы поговорить с Золотарёвым. Парень, который заказывал «бифштекс побольше», по-прежнему уминал его с таким видом, будто до этого голодал несколько недель. Мы уже собирались уходить, когда Беркман подошёл к нам и Золотарёв его представил. Беркман оказался совсем юношей, на вид лет восемнадцати, но с массивными шеей и грудью. Его волевой подбородок ещё больше подчёркивали крупные губы. Лицо можно было бы назвать суровым, если бы не высокий, «умный» лоб и умные же глаза. «Решительный юнец», — подумала я. Беркман обратился ко мне: «Сегодня выступает Иоганн Мост. Хотите пойти его послушать?»

Александр Беркман

«Как странно, — подумала я, — в самый первый мой день в Нью-Йорке я смогу увидеть и услышать того пылкого человека, которого пресса Рочестера выставляла воплощением дьявола, преступником, кровожадным демоном!» Я собиралась найти Моста в редакции его газеты спустя какое-то время, и то, что возможность представилась столь неожиданно, вселило в меня надежду, будто вот-вот произойдёт что-то чудесное, что-то такое, что определит всю мою дальнейшую жизнь.

По дороге на митинг я была так поглощена своими мыслями, что совершенно не слышала разговора между Беркманом и сёстрами Минкиными. Внезапно я споткнулась. Не схвати

Беркман меня за руку, я бы упала. «Я спас вам жизнь», — сказал он в шутку. «Надеюсь, что когда-нибудь смогу спасти вашу», — быстро нашлась я.

Митинг проходил в маленьком зале, попасть в который можно было через пивную. Зал был битком набит немцами: они пили, курили и разговаривали. Вскоре появился Иоганн Мост. - Сначала он произвёл на меня отталкивающее впечатление. Человек среднего роста, с большой головой, увенчанной шапкой седеющих густых волос, его лицо было неправильной формы со скошенной влево челюстью. Успокаивали только его синие дружелюбные глаза.

Иоганн Мост

В своей речи Мост яростно обличал условия жизни в Америке, ядовито высмеивал несправедливость и жестокость властей, страстно набрасывался на виновных в трагедии Хеймаркета и в казни чикагских анархистов в ноябре 1887 года. Он говорил красноречиво и живописно. Будто по волшебству, изъяны и общая невзрачность его внешности забывались. Казалось, что он превратился в некую первобытную силу, источающую ненависть и любовь, мощь и вдохновение. Быстрое течение его речи, музыка его голоса и блистательное остроумие — всё соединилось, чтобы произвести почти сокрушительный эффект. Он тронул меня до глубины души.

Подхваченная толпой, устремившейся к эстраде, я оказалась перед Мостом. Беркман был рядом и представил меня. Но я потеряла дар речи от волнения и беспокойства,

переполнившись чувствами, которые вызвала речь Моста.

Той ночью я не могла уснуть. Я вновь переживала события 1887 года. С Чёрной Пятницы 11 ноября, когда чикагцы встретили свою мученическую смерть, прошло почти два года, но каждая деталь по-прежнему ясно представлялась мне и волновала так, как будто это произошло вчера. Мы с сестрой Еленой¹⁰ заинтересовались судьбой этих людей во время суда над ними. Репортажи рочестерских газет раздражали, сбивали с толку и волновали нас очевидной предвзятостью. Жестокость прессы, неприкрытые угрозы в адрес обвиняемых, нападки на всех иностранцев заставили нас проникнуться сочувствием к жертвам Хеймаркета.

Мы узнали о существовании в Рочестере немецкой социалистической группы, которая по воскресеньям заседала в Германия-Холле. Мы начали посещать собрания: моя старшая - сестра Елена появлялась там всего несколько раз, а я — регулярно. Собрания были в целом неинтересными, но они давали возможность сбежать от серой скуки рочестерского существования. Там можно было услышать, по крайней мере, что-то отличное от вечных разговоров о деньгах и делах, встретиться с людьми духа и идеи.

Как-то раз мы узнали, что в воскресенье знаменитая социалистка из Нью-Йорка Иоганна Грайе прочтёт лекцию о деле, которое рассматривается в Чикаго. В назначенный день я пришла в зал первой. Огромное помещение постепенно наполнялось взбудораженными мужчинами и женщинами, а вдоль стен стояли полицейские. До этого мне не приходилось бывать на таком большом митинге. Я видела, как жандармы в Санкт-Петербурге разгоняли небольшие студенческие сходки. Однако в стране, где гарантировалась свобода слова, вторжение полицейских с длинными дубинками на мирное собрание порождало во мне ужас и протест.

Председатель вскоре объявил докладчицу. Иоганне Грайе было за тридцать; это была бледная, аскетического вида женщина с большими ясными глазами. Она говорила с огромной убеждённой, голос её дрожал от напряжения. Речь Грайе захватила меня. Я забыла о полиции, о публике и обо всём, что меня окружало. Я видела только хрупкую женщину в чёрном, которая выкрикивала страстные обвинения силам, собиравшимся уничтожить восемь человеческих жизней.

Всё выступление было посвящено волнительным событиям в Чикаго. Грайе начала с рассказа об исторической подоплёке дела. Она описала забастовки, проходившие по всей стране в 1886 году; их участники требовали восьмичасового рабочего дня. Центром движения был город Чикаго, и там борьба между трудящимися и их хозяевами была особенно напряжённой и ожесточённой. На митинг бастующих рабочих компании уборочных машин Мак-Кормика напала полиция, избивавшая мужчин и женщин. Несколько человек были убиты. Чтобы выразить протест против этого произвола, на 4 мая был назначен массовый митинг на Хеймаркет-сквер. На нём выступили Альберт Парсонс, Август Шпис, Адольф Фишер и другие; всё прошло тихо и мирно. Это засвидетельствовал чикагский мэр Картер Харрисон, который посетил митинг, чтобы узнать, что происходит. Мэр ушёл, убедившись, что всё в порядке, и сообщил об этом начальнику полицейского округа. Начал накрапывать дождь, и люди стали расходиться. К моменту, когда выступал один из

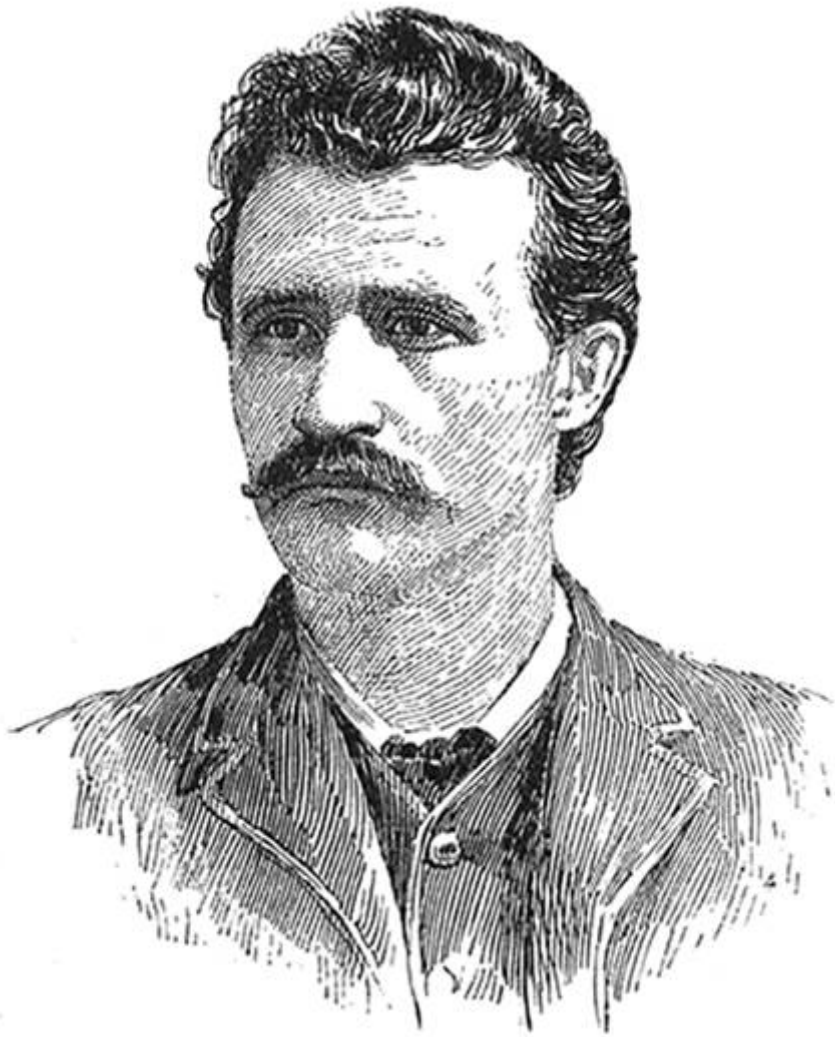
последних ораторов, участников митинга осталось совсем немного. В это время на площади внезапно появился капитан Уорд в сопровождении большого отряда вооружённых полицейских. Он приказал митингующим немедленно разойтись. «Это мирное собрание», — ответил председатель, после чего полицейские напали на людей, безжалостно избивая их дубинками. Вдруг что-то сверкнуло в воздухе, раздался взрыв. Погибло несколько полицейских, многие были ранены. Истинный виновник так никогда и не был с точностью установлен, и власти, по-видимому, не слишком старались его поймать. Вместо этого были немедленно выданы ордера на арест выступавших на хеймаркетском митинге ораторов и других заметных анархистов. Вся пресса, вся буржуазия Чикаго, да и всей страны, требовали казни заключённых. Полиция развивала политику террора, которую морально и материально поощряла Гражданская ассоциация¹¹, стремившаяся выполнить свой кровавый план и убрать анархистов с дороги. Общественное мнение так нагнетали печатавшиеся в газетах ужасные истории, очернявшие руководителей забастовки, что справедливый суд стал невозможен. И впрямь процесс оказался худшей судебной инсценировкой в истории Соединённых Штатов. Присяжных подбирали так, чтобы они признали вину подсудимых; окружной прокурор объявил на открытом заседании суда, что судят не только арестованных — «судят анархию», которую необходимо уничтожить. Судья со своего места неоднократно поносил обвиняемых, внушая присяжным предубеждение против них. Свидетелей либо запугали, либо подкупили, и в результате были осуждены восемь человек, невиновных в преступлении и никак к нему не причастных. Возбуждённое состояние общества и всеобщее недоверие к анархистам вкупе с ожесточённой борьбой работодателей против движения за восьмичасовой рабочий день создали атмосферу, сильно поспособствовавшую узаконенному убийству чикагских анархистов. Пятеро из них — Альберт Парсонс, Август Шпис, Луис Линг, Адольф Фишер и Георг Энгель — были приговорены к смерти через повешение; Михаэля Шваба и Самуэля Филдена приговорили к пожизненному заключению; Оскар Небе получил пятнадцатилетний срок. Невинная кровь мучеников Хеймаркета взывала к мести.

Альберт Парсонс

Адольф Фишер

Август Шпис

Михаэль Шваб

Георг Энгель

Луис Линг

Оскар Хебе

Самуэль Филден

К концу речи Грайе я знала то, о чём догадывалась с самого начала: чикагцы были невиновны. Им предстояло умереть за свой идеал. Но в чём заключался их идеал? Иоганна Грайе говорила о Парсонсе, Шписе, Линге и других как о социалистах, однако я ничего не знала об истинном значении социализма. То, что я слышала от местных ораторов, казалось мне шаблонным и надуманным. С другой стороны, газеты называли этих людей анархистами, бомбометателями. Что такое анархизм? Всё это было мне непонятно. Но у меня не было времени для дальнейших размышлений. Люди выходили из зала, и я поднялась с места, чтобы последовать за ними. Грайе, председатель и группа друзей всё ещё находились на сцене. Повернувшись к ним, я увидела, что Грайе жестом подзывает меня. Я испугалась, моё сердце отчаянно колотилось, а ноги будто налились свинцом. Когда я подошла, она взяла меня за руку и сказала: «Я никогда не видела лица, которое отражало бы такое смятение чувств, как ваше. Вы, наверное, сильно переживаете надвигающуюся трагедию. Вы знакомы с этими людьми?» Дрожащим голосом я отвечала: «К сожалению, нет, но я прочувствовала это дело всей душой, и, когда я слушала вашу речь, казалось, будто я с ними знакома». Она положила мне руку на плечо: «Мне кажется, что вы познакомьтесь с ними лучше, если узнаете об их идеалах, и что их дело станет и вашим».

Я шла домой как во сне. Сестра Елена уже спала, но я должна была поделиться с ней тем, что случилось. Я разбудила её и рассказала всю историю, почти дословно передавая речь. Я,

наверное, очень драматично рассказывала, потому что Елена воскликнула: «Следующее, что я услышу о своей младшей сестре — что она тоже опасная анархистка».

Через несколько недель мне представился случай посетить знакомое немецкое семейство. Я застала их весьма взволнованными. Кто-то из Нью-Йорка послал им немецкую газету Freiheit, которую издавал Иоганн Мост. От стиля у меня просто перехватило дыхание — так он отличался от того, что я слышала на социалистических митингах и даже в речи Иоганны Грайе. Он был подобен лаве, выбрасывающей языки пламенной иронии, презрения и пренебрежения; он дышал глубокой ненавистью к силам, готовившим преступление в Чикаго. Я начала регулярно читать Freiheit, стала выписывать рекламировавшуюся в газете литературу и жадно глотала каждую строчку об анархизме, которую могла добыть, каждое слово об осуждённых, об их жизни, об их деятельности. Я читала об их героическом сопротивлении во время суда и об их изумительной защите. Я видела, как передо мной открывается новый мир.

Ужасное событие, которого все боялись, надеясь, что оно всё же не произойдёт, случилось. Специальные выпуски рочестерских газет разносили новость: чикагские анархисты повешены!

Мы с Еленой были раздавлены. Потрясение совершенно лишило мою сестру присутствия духа, она могла только заламывать руки и молча плакать. Мною овладело оцепенение, и без того мучительное, чтобы плакать. Вечером мы пошли к отцу. Все говорили о чикагских событиях. Я переживала утрату как свою собственную. Вдруг я услышала хриплый женский смех. Пронзительный голос издевательски произнёс: «К чему все эти стенания? Эти люди были убийцами. Хорошо, что их повесили». Один прыжок — и я схватила её за горло. Потом я почувствовала, что меня оттаскивают. Кто-то сказал: «Девочка сошла с ума». Я высвободилась, схватила со стола кувшин с водой и изо всех сил бросила его в лицо женщине. «Вон, вон! — кричала я. — Или я тебя убью!» Перепуганная женщина бросилась к двери, а я свалилась на пол в истерике. Меня уложили в постель, и я провалилась в глубокий сон. На следующее утро я проснулась как после долгой болезни, но оцепенение и подавленность этих душераздирающих недель ожидания ушли вместе с последним потрясением. Я чувствовала, что в моей душе родилось что-то новое и чудесное. Великий идеал, горячая вера, решимость посвятить себя памяти товарищей, погибших мученической смертью, сделать их дело своим, рассказать миру об их прекрасной жизни и героической смерти. Иоганна Грайе была пророчицей, видимо, в большей степени, чем сама это предполагала.

Я приняла решение. Я поеду в Нью-Йорк, к Иоганну Мосту. Он поможет мне подготовиться к новой задаче. Но муж, родители — как они встретят моё решение?

Я была замужем всего десять месяцев. Брак оказался несчастливym. Почти с самого начала я поняла, что у нас с мужем нет ничего общего, даже сексуально мы не сочетались. Это предприятие, как и всё, что случилось со мной после приезда в Америку, принесло мне только разочарование. Америка, «земля свободных и дом храбрых», — каким это мне теперь казалось фарсом! А ведь в своё время я отчаянно ссорилась с отцом, который не хотел, чтобы я уехала в Америку вместе с Еленой! Однако я победила, и в конце декабря 1885 года

мы с Еленой отправились из Санкт-Петербурга в Гамбург, где сели на пароход «Эльба», направлявшийся в Землю Обетованную.

Другая моя сестра опередила нас на несколько лет, она вышла замуж и жила в Рочестере. Она неоднократно писала Елене, прося, чтобы та приехала к ней, потому что ей было одиноко. В конце концов Елена решила ехать. Но я не могла перенести мысль о разлуке с той, кто значила для меня даже больше, чем мать. Елене тоже не хотелось оставлять меня. Она знала о жестоких разногласиях между мной и отцом. Елена предложила заплатить за мой билет, однако отец был категорически против. Я умоляла, упрашивала, плакала. Наконец, я пригрозила прыгнуть в Неву, после чего он сдался. Снабжённая двадцатью пятью рублями — это всё, что дал мне отец, — я без сожаления покинула дом. Сколько себя помню, дома я задыхалась, а присутствие отца внушало ужас. Мать, хотя и менее жестокая с детьми, никогда не выказывала особенной теплоты. По-настоящему привязана ко мне была только Елена, и лишь с ней были связаны нечастые радости моего детства. Она - постоянно брала на себя вину за всех остальных детей. Многие удары, предназначавшиеся мне с братом, она принимала на себя. Теперь мы были вместе — никто нас не мог разлучить.

Мы плыли на корабле низшим классом, куда пассажиров сгоняли, словно скот. Моя первая встреча с морем была и ужасающей, и захватывающей. Свобода от дома, красота и чудо бескрайнего простора в его разнообразных настроениях, волнующее ожидание того, что я встречу в новой стране, возбуждали моё воображение и заставляли мою кровь бурлить.

Последний день нашего путешествия живо встаёт в моей памяти. Все высыпали на палубу. Мы стояли, прижавшись друг к другу, захваченные видом гавани и тем, как внезапно появлялась из тумана статуя Свободы. Ах, вот она, — символ надежды, свободы, возможностей! Она высоко поднимала свой факел, чтобы осветить путь в свободную страну, в прибежище для угнетённых со всего мира. Мы с сестрой тоже найдём себе место в щедром сердце Америки. Мы были полны радости, в глазах стояли слёзы.

Грубые голоса ворвались в наши мечты. Нас окружали жестиколирующие люди — сердитые мужчины, истеричные женщины, орущие дети. Охранники грубо толкали нас то туда, то сюда, криком приказывали подготовиться к отправке в Кастл-Гарден — традиционный пункт для иммигрантов.

Сцены в Кастл-Гардене разыгрывались отвратительные, атмосфера была наполнена враждебностью, грубостью. Чиновники относились ко всему равнодушно; никаких удобств для вновь прибывших предусмотрено не было — ни для беременных, ни для малых детей. Первый день на американской земле принёс нам настоящее потрясение. У нас было одно желание — убежать из этого ужасного места. Мы слышали, что Рочестер был «городом-цветником» штата Нью-Йорк, однако мы прибыли туда унылым и холодным январским утром. Нас встретили сестра Лина, беременная первым ребёнком, и тётя Рахиль. Комнаты Лины были маленькими, но светлыми и безупречно чистыми. Та, что приготовили для нас с Еленой, была уставлена цветами. Весь день к сестре приходили самые разные люди — родственники, с которыми я никогда не была знакома, друзья Лины и её мужа, соседи. Все хотели увидеть нас, услышать о родине. Всё это были евреи, которым нелегко жилось в России; среди них встречались даже жертвы погромов. Жизнь в новой стране тяжела,

говорили они; тем не менее они тосковали по дому, который никогда не был им по-настоящему родным.

Среди посетителей были такие, кому удалось преуспеть. Один хвастался, что все шестеро его детей работали — продавали газеты, чистили башмаки. Всех интересовало, что мы собираемся делать. Один грубого вида парень был особенно навязчив: пялился на меня весь вечер, оглядывал с ног до головы. Он даже подошёл, собираясь взять меня за руку. Я почувствовала себя так, будто стою голая на рынке, и была вне себя от ярости, но стыдилась оскорбить друзей моей сестры. Мне стало совершенно одиноко, и я выбежала из комнаты. Мне вдруг захотелось туда, откуда я уехала, — в Санкт-Петербург, на берега любимой Невы, к моим друзьям, книгам и музыке. Я услышала громкие голоса в соседней комнате. Вызвавший мою ярость мужчина говорил: «Я могу устроить ей место у Гарсона и Майера. Жалование будет маленькое, но она скоро сможет найти парня, который на ней женится. Такой крепкой девке, румяной и голубоглазой, не придётся долго работать. Любой мужчина за неё ухватится, и она будет вся в шелках и бриллиантах».

Я вспомнила отца: он изо всех сил старался выдать меня замуж в пятнадцать лет. Я протестовала, умоляя разрешить мне продолжить учёбу. В бешенстве отец швырнул мою французскую грамматику в огонь, крича: «Девушкам не надо многому учиться! Всё, что должна знать еврейская дочка, — это как приготовить гефилте фиш (фаршированную рыбу), как тонко нарезать лапшу и как нарожать мужчине побольше детей». Я не хотела его слушаться; мне хотелось учиться, познавать жизнь, путешествовать. Кроме того, я решительно утверждала, что никогда не выйду замуж иначе как по любви. На самом деле я настояла на путешествии в Америку, лишь бы отделаться от тех планов, которые строил для меня отец. Но попытки выдать меня замуж не прекратились даже в новой земле. Я была полна решимости не стать частью товарообмена — я найду работу.

Моя сестра Лина уехала в Америку, когда мне было одиннадцать. Я проводила много времени с бабушкой в Ковно, а родители жили в Попелянах — маленьком городке Курляндской губернии у Балтийского моря. Лина всегда относилась ко мне враждебно, и я неожиданно узнала, что стало тому причиной. Мне было не больше шести в то время, а Лина была на два года старше. Мы играли в шарики. Почему-то Лине показалось, что я слишком часто выигрываю. Она разозлилась, сильно ударила меня и закричала: «Ты как твой отец! Он тоже нас обманул! Он забрал все деньги, которые оставил наш отец. Я тебя ненавижу! Ты мне не сестра».

Я остолбенела от её внезапного взрыва. Несколько мгновений я сидела, уставившись в пол, потом молча перевела взгляд на Лину. Я побежала к Елене, которой рассказывала обо всех своих детских обидах, и потребовала объяснений, как это мой отец мог обокрасть Лину и почему мы с ней не сёстры.

Елена привычно обняла меня, постаралась успокоить и сказала, что Линыны слова не нужно принимать всерьёз. Тогда я пошла к маме и узнала, что был ещё один отец — Елены и Лины. Он умер молодым, и мама затем вышла замуж за нашего с младшим братом отца. Она сказала, что мой отец — отец и для Елены с Линой, несмотря на то, что они ему неродные. Это правда, объяснила она, что отец тратил деньги, оставшиеся девочкам. Он вложил их в

одно дело, но оно прогорело. Он хотел, чтобы нам всем было лучше. Но слова мамы мало меня утешили. «Отец не имел права брать эти деньги! — закричала я. — Они сироты. Это грех — грабить сирот. Жалко, что я не взрослая, я бы отдала им эти деньги. Да, я должна их отдать, я должна расплатиться за папин грех».

Моя немецкая няня говорила, что тот, кто ворует у сирот, никогда не попадёт на небо. Я слабо представляла, что это за место. Родители, хотя соблюдали еврейские обряды и ходили в синагогу, редко говорили со мной о религии. Я узнала о Боге и дьяволе, грехе и наказании от няни и русских служанок. Я была уверена, что отец понесёт наказание, если я не выплачу его долг.

С тех пор прошло одиннадцать лет. Я давно забыла обиду, причинённую Линой, но никогда не испытывала к ней большой привязанности такой, как к Елене. Всю дорогу до Америки я волновалась о том, какие чувства Лина испытывает ко мне, но, едва увидев её, беременную первым ребёнком, с бледным морщинистым лицом, я всем сердцем потянулась к ней, как будто между нами никогда и не было разногласий.

На следующий день после приезда мы — три сестры — остались наедине. Лина рассказала, как была одинока и как ей не хватало нас и родителей. Мы узнали о тяжёлой жизни, которая выпала на её долю, — вначале она была служанкой в доме у тёти Рахили, затем делала бутоньерки на швейной фабрике Штайна. Как она была счастлива сейчас, наконец-то живя в собственном доме в радостном ожидании ребёнка! «Жизнь всё ещё трудна, — сказала Лина. — Мой муж-кровельщик получает двенадцать долларов в неделю за опасную работу на крыше под палящим солнцем и на холодном ветру. Он начал работать восьмилетним ребёнком в Бердичеве, в России, — добавила она, — и с тех пор не прекращал трудиться».

Когда мы с Еленой удалились в свою комнату, нами было решено немедленно устроиться на работу. Нельзя утяжелять бремя забот нашего зятя! Двенадцать долларов в неделю, да ещё и ребёнок на подходе! Через несколько дней Елена нашла работу по ретушированию негативов — она этим занималась в России. Я нанялась к Гарсону и Майеру, где по десять с половиной часов в день шила пальто, получая два доллара пятьдесят центов в неделю.

Версия #2

□□□□□□□□ □□□□□□□□ создал 17 апреля 2025 03:26:02

□□□□□□□□ □□□□□□□□ обновил 18 апреля 2025 18:26:17